

Программная статья кавалера Германа. 1819

И эта статья, судя по высказанным в ней мыслям и по их изложению, свидетельствует, что ее автором является искусный знаток, умеющий обновлять старое и воскрешать умершее.

Нельзя отрицать, что мы обычно представляем себе древние тетралогии как развитое в трехкратном нарастании единое содержание; причем в первой пьесе, как правило, заключается экспозиция, предварительные условия действий, центральный исходный эпизод всей вещи, во второй — разрастаются до ужасающих размеров роковые последствия завязки, в третьей же, при продолжающемся нарастании, так или иначе все же намечается и известное примирение, а это делает вполне возможным добавить к ним еще и четвертую, веселую пьесу, для того чтобы отпустить домой зрителей — мирных граждан, нуждающихся в домашнем уюте и спокойствии, — в хорошем расположении духа.

Так, если, к примеру, в первой пьесе гибнет Агамемнон, а во второй Клитемнестра и Эгист, то в третьей преследуемый фуриями матереубийца все же получает оправдание в афинском верховном судилище, и в честь этого решения в городе на вечные времена учреждается ежегодный праздник. Тут, как нам кажется, гений мог удачно закончить все это какой-нибудь легкой шуткой.

Мы, безусловно, признаем, что греческая мифология очень богата коллизиями и последовательностью событий, в чем может без труда убедиться каждый вдумчивый поэт, видящий, как на любой ветви этого гигантского древа всходит по несколько трилогий; и все же нас отнюдь не удивляет отсутствие достаточно ясной последовательности во многих греческих тетралогиях и даже кажется нам неизбежным при постоянном стремлении к небывалым новшествам.

Как было не понять поэту, что народу нет дела до строгой последовательности? Как было не обернуть ему в свою пользу то, что он имеет дело с легкомысленной толпой? Он скорее был готов отказаться от внутреннего убеждения, чем никому не угодить и быть всеми покинутым.

Вот почему мы находим вполне естественным и правдоподобным утверждение настоящей программной статьи, что трилогия и тетралогия отнюдь не нуждались в смысловой связности, что здесь имело место не нарастание сюжета, а нарастание внешних форм, опирающихся на многостороннее содержание, пригодное к тому, чтобы произвести необходимое впечатление на зрителя.

Для этого первая пьеса должна была быть величавой, захватывающей всего человека, вторая — подкупать и услаждать умы, слух и чувства красотой хоров и песнопений, третья — приводить в восторг и восхищение внешней обстановкой, ее великолепием и бурным подъемом действия; в то время как последняя, предназначавшаяся для радостного прощания со зрителем, могла быть сколько угодно исполненной веселья, бодрости и смелости.

Теперь постараемся найти для этого соответствующий образ и подобие в современности. Немецкий театр располагает примером первой формы построения в «Валленштейне» Шиллера, хотя наш поэт отнюдь не стремился подражать древним. Материал был необозрим и, столкнувшись с действительным, творческим духом, со временем, даже помимо его воли, распался на несколько частей. Согласно мироощущениям новейшего времени, он предпослал всей вещи веселую, беспечную сатирическую драму «Лагерь Валленштейна». В «Пикколомини» мы следим за постепенным развитием действия; оно несколько замедляется косностью, заблуждениями, необузданной страстью, а также нежной, небесно-чистой любовью, которая стремится смягчить грубое, сдержать дикое, умиловать строгое. В третьей пьесе все попытки посредничества кончаются неудачей, ее можно назвать высокотрагической в наиболее глубоком значении этого слова. И кто не согласится, что за ней ничего не может последовать, что? было бы достойно занять наши умы и чувства?

Для того же, чтобы отыскать подходящий пример смелого и удачного сочетания совершенно не связанных между собою частей, как о том говорится в программной статье господина Германа, мы должны переправиться через Альпы и представить себе итальянский народ, умеющий вполне отдаваться впечатлениям минуты.

Так мы однажды видели вполне серьезную оперу в трех актах, которая, трактуя единый сюжет, не отклонялась от его развития. Но в промежутках между тремя актами были исполнены два балета, по своему характеру не имевшие ничего общего ни друг с другом, ни тем более с оперой; первый из них — героический, второй носил комедийный характер и давал возможность прыгунам и гимнастам показать свою ловкость и уменье. Как только промелькнула эта интермедия, начался третий акт оперы, так чинно и размеренно, как будто перед этим мы не видали никакого фарса. Seriously, торжественно, великолепно окончился спектакль. Здесь, стало быть, мы имели дело с пенталогией, которая по-своему вполне удовлетворяла вкусам толпы.

Приведем еще один пример. Нам приходилось не раз видеть в несколько более скромной обстановке представления трехактных пьес Гольдони, где между действиями блистательно проходили вполне законченные двухактные комические оперы. Между операми и комедией не было ничего общего ни по содержанию, ни по форме, и тем не менее мы все с величайшим наслаждением внимали, сейчас же после первого акта комедии, знакомым любимым звукам оперной увертюры. Не меньший успех после блестяще законченного вокального представления имел и второй акт прозаической пьесы. А когда вслед за этим второй музыкальный антракт возвел нас на новую ступень восторга, мы с неослабной жадностью стали дожидаться третьего акта комедии, который так же производил вполне удовлетворительное впечатление, ибо актер, уязвленный успехом своих сладкогласных противников, пускал в ход все, чем располагал его талант, и, вполне уверенный в веселом настроении зрителей, сам заражался весельем и тем достигал отраднейших результатов. Громом аплодисментов заканчивалась и эта пенталогия, последняя часть которой достигала той же цели, что и четвертая часть тетралогии, — она спроваживала нас домой удовлетворенными, повеселевшими и в то же время вполне уравновешенными.

Комментарии

Статья профессора Лейпцигского университета И.-Г.-Я. Германа «Рассуждение о композиции греческих тетралогий» (1819) привлекла внимание Гете в 1820 году и вызвала появление этой рецензии на страницах журнала «Об искусстве и древности» в 1823 году. Во время греческих религиозных праздников на театре ставились пьесы, в основе сюжета которых лежали известные мифы. В течение дня исполнялось четыре произведения: три трагического содержания и четвертое — так называемая «сатирическая пьеса» — комического содержания.

...если, к примеру, в первой пьесе... — Гете имеет в виду трилогию Эсхила «Орестея»: «Агамемнон», «Хозфоры» и «Евмениды», четвертая пьеса, благодаря которой трилогия превращалась в тетралогию, «Протей», не сохранилась. Вкратце содержание «Орестеи» таково: Клитемнестра вместе со своим любовником Эгистом убивают вернувшегося из Троянского похода ее мужа Агамемнона; мстя за отца, Орест убивает мать и Эгиста.

Пенталогия — произведение, состоящее из пяти частей.

Гольдони Карло (1707–1793) — итальянский драматург, создавший замечательные комедии бытового характера.

А. Аникст